

для малых народов приобретает русский язык, как средство общения с преобладающим иноязычным населением, и все меньшее значение сохраняет родной. Этому способствует преподавание в школах на русском языке. Нередко молодежь предпочитает вообще не пользоваться родным языком.

Второе последствие промышленного освоения — резкое сокращение земель для традиционного природопользования, что ставит коренных жителей перед выбором: либо отступить на немногие оставшиеся свободными земли и сохранить традиционный уклад, либо интегрироваться в новую систему и отказаться от традиций. Большинство молодежи до недавнего времени выбирало второй путь, и это порождало пессимистичные прогнозы в отношении будущего национальных культур малых народов.

Однако рост в последние годы самосознания коренных народов, активизация национальной интеллигенции и, главное, повышение в глазах молодежи престижности традиционного образа жизни говорят об обратном. Созданная северными народами культурно-хозяйственная модель весьма пластична и идеально приспособлена к данным природным условиям. Даже при минимальном содействии или хотя бы невмешательстве она будет способна к самовоспроизводству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав населения СССР. По данным переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 6.
2. См.: Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884. С. 1-116.
3. Новая жизнь народов Севера. М., 1967. С. 36.
4. См.: Эристов А. Г. На тобольском фронте борьбы с религией. Тобольск, 1929. 109 с.

*Наталья Петровна НОСОВА —
профессор кафедры отечественной
истории исторического факультета,
доктор исторических наук*

УДК 349.42 (47+57) (091)

КОЛЛИЗИИ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. На примере анализа Декрета о земле, Закона о социализации земли, Земельного кодекса 1922 г. и др. показаны противоречия и расхождения аграрного законодательства в годы становление советского режима, когда определились основные пути и принципы развития как нового типа государства, так и соответствующих ему правовых институтов.

The article considers discrepancies and divergencies of agricultural lawmaking process. Which took place in the period of establishing of the Soviet regime when the new ways and principles of the new governmental type were worked out. The problem is shown on the basis of the Decree of Land, the Land Code of 1922 and Law about Land Socialization.

Многовековая эволюция русского крестьянства завершается печальным процессом его раскрестьянивания. В чем дело? Ведь, как утверждалось многие десятилетия, в стране был решен крестьянский вопрос! Но мы по-

прежнему бедны и не в состоянии себя прокормить. Где искать корни наших бед? Может быть в прошлом? Чрезвычайная важность аграрного вопроса в истории России не вызывает сомнений. От него зависит судьба страны. Аграрный вопрос в России был всегда не второстепенным, а основным.

Центральным сюжетом аграрной истории, влекущим за собой историческую цепочку объяснений по другим вопросам, является проблема принадлежности земли, проблема собственности. Может быть, только с позиций сегодняшнего дня понятны глубина и важность проблем управления обществом. Особенно необходимо юридическое осмысление поземельного положения крестьянства и государства, так как традиционно советская историография гораздо меньше внимания уделяла правовым сюжетам, чем экономическим. А между тем аграрное законодательство первых лет советской власти представляет интересную картину, первую попытку исследования которой предприняли русские эмигранты еще в 20-е гг., кстати сказать, одновременно с советскими правоведом. Однако с тех пор эта исследовательская традиция не была поддержана ни отечественной, ни зарубежной историографией. Сегодня наблюдается «взрывной» интерес к проблеме собственности и со стороны правоведов, и со стороны экономистов, и со стороны историков [1]. Несмотря на это, она остается одной из самых неразработанных даже в теории.

В подобной ситуации требуется исследование, включающее юридические, историко-экономические, историко-психологические и другие аспекты проблемы собственности. Как представляется, наиболее продуктивным здесь может оказаться историческое исследование. Именно история как наука может объединить в себе изучение всех основных проблем собственности. Шагом к такого рода работе может стать изучение коллизий — столкновений и противоречий аграрного законодательства в годы становления советского режима, когда определялись основные пути и принципы развития как нового типа государства, так и соответствующих ему правовых институтов.

В развитии советского законодательства в исследуемый период следует выделить два этапа: первый обусловлен коренной ломкой старого строя и старого государственного аппарата, второй совпадает с введением новой экономической политики и связан с поисками основ советского права в новых исторических условиях. Следует подчеркнуть, что процессы развития аграрного и общегражданского законодательства несколько отличаются друг от друга, и прежде всего тем, что периоды ломки и созидания в первом менее противопоставлены, чем во втором, и проходят, как представляется, в более мягких формах.

Уже 26 октября 1917 г., в первый день революции, советская власть провозгласила: «Вся земля обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней». В этом положении Декрета о земле содержатся идеи: земля — всенародное достояние и право пользования — каждому трудящемуся. С точки зрения права обе они недостаточно четки. Тем не менее основное направление советской аграрной политики декрет наметил достаточно определенно.

Декрет предусматривал уравнительное распределение земли по трудовой или потребительской норме. В отношении высококультурных помещичьих хозяйств делалось исключение: они разделу не подлежали, а переходили в пользование государства или общины. В сложившихся исторических условиях основной формой землепользования оставалась индивидуальная. Придав законодательную силу крестьянскому требованию раздела земли,

большевики понимали, что эта мера не означает установления в деревне социалистических отношений. Предполагалось, что наделение землей батраков и малоземельных крестьян, с одной стороны, и урезка кулацкого землепользования — с другой, приведут к осереднячеванию крестьянства, сузят сферу капиталистических отношений в деревне. «Никогда уравнильное землепользование и тому подобные меры не повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, — писал в ноябре 1917 г. В. И. Ленин. — ...В этих условиях уравнильное землепользование становится одной из переходных мер к полному социализму» [2].

Задача советской власти состояла в том, чтобы даже такие общедемократические мероприятия, как конфискация земли и уравнильное ее распределение среди крестьянства, осуществить в интересах пролетарских и полупролетарских слоев деревни. Против классового подхода к распределению конфискованной помещичьей земли выступали левые эсеры, до весны 1918 г. возглавлявшие Народный комиссариат земледелия. Они делали упор на полное уравнильное распределение земли по единой для всей территории страны норме. Такой раздел требовал перераспределения земель между губерниями, уездами и волостями. В конце 1917 — начале 1918 гг. было объявлено о так называемом временном распределении земель, ибо огромную работу по распределению земли между губерниями, уездами и волостями, а затем уже распределению между крестьянами, предполагаемому Наркомземом, невозможно было провести в короткий срок.

В феврале 1918 г. был опубликован второй аграрный закон советской власти — основной закон о социализации земли [3]. В нем делается попытка конкретизировать положения Декрета о земле. Главное, чего добились большевики, это обеспечение за государством беспрепятственного права пользоваться и распоряжаться землей с тем, чтобы на этой основе постепенно, по мере складывания благоприятных условий, переходить к социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве. Тем не менее принятый аграрный закон этой задачи не решал. А пойти на обострение отношений с эсерами в трактовке его основных положений большевики пока еще не могли.

Согласно закону «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Советской Федеративной Республики отменяется навсегда» (ст. 1). Задачей органов государственной власти являлось прежде всего «справедливое распределение земель сельскохозяйственного назначения среди трудового земледельческого населения... на уравнильных началах» (ст. 5). Причем пользоваться землей можно было лишь непосредственно (ст. 13). Эта статья, постоянно вызывавшая споры, указывала, что основным источником на право пользования землей является личный труд, государство же в лице его различных органов имеет это право «как исключение из общего правила». Статья весьма ограничивала право государства на пользование землей, что создавало серьезные трудности для регулирования им земельных отношений, для образования государственных хозяйств. Предоставляя государству лишь право создания опытных и показательных хозяйств, закон не шел дальше Декрета о земле. В статьях 39, 45 закона отмечается, что передавать землю нельзя ни в какой форме. Наемный труд не допускался. Несоответствие определенным в законе нормам влекло за собой потерю права пользования (ст. 53).

Давая конкретный правовой материал, закон все же не регламентировал четко поземельного устройства. К тому же специальной инструкции о проведении землеустроительных работ Наркомземом выработано не было [4].

Поэтому принципы передела земли обсуждались на проходивших с января по апрель 1918 г. уездных съездах крестьянских депутатов. Вслед за уездными созывались волостные, а затем собрания крестьян в селах и деревнях. Все съезды и собрания, как правило, за основу принимали Закон о социализации земли, внося в него изменения и дополнения применительно к местным условиям.

Итоги первого этапа аграрных преобразований подвел II Всероссийский съезд земотделов, комитетов бедноты и коммун. Рекомендации съезда были положены в основу законодательного акта — Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию, опубликованному ВЦИК 14 февраля 1919 г. [5]. Положение отражало определенный этап развития революции, уровень, систему взглядов, утвердившихся в результате ее победоносного наступления, во всей их противоречивости [6]. Однако вряд ли можно согласиться с оценкой документа просто как развития той части Основного закона о социализации земли, которая касалась общественного землепользования и мероприятий по землеустройству [7]. Думается, Положение явилось отражением тенденции к форсированному строительству коммун и совхозов, которая отвечала тогдашнему менталитету большинства партии, и претендовало на место, определяющее основную линию аграрной политики.

В своих теоретических построениях Положение идет дальше предшествующих аграрных законов. «Вся земля в пределах РСФСР, — читаем мы здесь, — в чьем бы пользовании она не состояла, считается единым государственным фондом». Это уже не «общественное достояние», а государственная собственность, по сути — национализация. Положение 14 февраля усиленно выдвигает формы коллективного землепользования и хозяйства: советские хозяйства, сельскохозяйственные коммуны, артели, товарищества с общественной обработкой земли. Единоличное хозяйство объявляется «преходящим и отживающим».

С переходом к нэпу поиски новых форм хозяйственных отношений требовали пересмотра земельно-правовых норм, порожденных политикой «военного коммунизма».

23 мая 1921 г. ВЦИК принимает решение «О мерах к обеспечению крестьянскому землепользованию прочности и устойчивости». IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. активно поддерживает его. Принцип государственной собственности на землю сохраняется. Но реальное содержание, которым он наполняется, уже иное. Выдвигается задача «обеспечить твердость и устойчивость прав на землю». Причем забота направлена за отдельных пользователей — съезд предлагает «обеспечить за хозяйствами наибольшую устойчивость в пользовании землей и побудить их к наилучшему вложению в нее затрат в виде удобрений, земельных улучшений и т. д.». Во исполнение этого 22 мая 1922 г. III сессия ВЦИК утвердила «Основной закон о трудовом землепользовании», который сыграл важную роль в юридическом переходе к нэпу в сельском хозяйстве [8].

Согласно ст. 32 закона в целях скорейшего создания прочности и устойчивости трудового землепользования за волостями и селениями и другими сельскохозяйственными объединениями признавалось закрепленным все то количество земли, которое к тому времени находилось в их фактическом трудовом пользовании. Отныне прекращалось поравнение земель между волостями и селениями, а землеустройство могло производиться «для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальнеземелья и пр.». Сплошное обязательное землеустрой-

ство прекращалось. Землеустроительные работы должны были выполняться по ходатайствам заинтересованного населения и за его счет.

Принимая этот закон, IX съезд Советов в то же время поручил Наркомзему РСФСР срочно пересмотреть существующее земельное законодательство. Ранее это право входило в компетенцию Наркомата юстиции РСФСР.

На основании решения съезда НКЗ разработал программу кодификации земельного законодательства. 31 октября 1922 г. IV сессия ВЦИК утвердила Земельный кодекс РСФСР.

Первые три параграфа Кодекса отражают принципиальное отношение Советской власти к земле. «Постановлениями Всероссийских съездов Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов, основанными на ясно выраженной революционной воле рабочих и крестьян, право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменено навсегда» (п. 1). «Все земли в пределах РСФСР, в чьем бы владении они не стояли, составляют собственность рабоче-крестьянского государства» (п. 2). Все земли сельскохозяйственного назначения, а также могущие быть использованными для сельскохозяйственного производства, составляют единый государственный земельный фонд, который находится в ведении Народного комиссариата земледелия и его местных органов» (п. 3). В этих параграфах утверждается принцип национализации земли. Отменялось лишь «право частной собственности», а не «всякая собственность» на землю, как гласил Закон о социализации земли. У земли появился хозяин в лице государства. Однако все остальное содержание Кодекса более гибко в отношении социалистических идеалов. Законодатель пытается найти компромисс между идеалами и жизнью.

Одной из характерных черт нового закона стало стремление закрепить земли за земельными обществами (ст. 32, 33). Под понятие «земельное общество» подводились и прежние земельные общества, земельные общины и артели, и разного рода сельскохозяйственные товарищества. В качестве субъекта права на землю выдвигается уже не государство, а земельные общества. Но это, как показывает анализ, лишь переход к другой, более существенной ступени, которой является индивидуальное хозяйство.

Большие споры вызвал вопрос: должен ли каждый сельский житель, пользующийся землей, входить в земельное общество, возможно ли существование отдельных хозяйств вне его? Прежнее законодательство отвечало на него отрицательно. Той же точки зрения первоначально придерживался и Наркомзем. Но в конце концов было решено «не навязывать принудительную земельную общину». «Право на землю может быть осуществляемо землепользователем: а) в составе земельного общества, с подчинением установленному обществом порядку землепользования или б) отдельно, без вхождения в земельное общество» (ст. 10).

Не следует представлять себе рассматриваемое в Кодексе земельное общество как коллективное землепользование в форме старой общины. Земельное общество — прежде всего объединение отдельных дворов. Формы землепользования в пределах его могут быть самые различные. Государство сохраняет здесь полный нейтралитет, оно одинаково относится ко всем формам, включая единоличное, отрубное или хуторское. В Кодексе рассматривается и право выхода из общины. При полных переделах и разверстках выход из него и выдел места ничем не ограничены, его могут требовать и отдельные дворы, и любое количество хозяев вместе. На выделенных зем-

лях могут быть установлены любые формы землепользования. В не общих переделах выход с землею из общества без его согласия возможен по требованию $\frac{1}{5}$ его членов.

Таким образом, основным видом землепользования Земельный кодекс 1922 г. определяет индивидуальное. Что же представляет собой индивидуальный землепользователь, каковы его права на землю?

Землепользователь пользуется землей по своему усмотрению, самостоятельно избирает способ хозяйственного ее применения (ст. 22). Он может возводить на ней всякие сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей (там же). Право на это принадлежит ему точно так же, как право на посевы и все соединенное с землей, пока оно не перешло законно к другому лицу (ст. 25). В статье 26 читаем: «Никакое постороннее, не основанное на законе вмешательство в хозяйство землепользователя или воздействие на его землю не допускаются. В случае такого вмешательства или воздействия земельный суд, по просьбе землепользователя, обязан восстановить нарушенное хозяйство или землепользование». В юридической терминологии это не более и не менее как владельческий иск. Итак, землепользователь обладает землею, пользуется самостоятельно ею и защищается в своем владении и пользовании. При этом он может даже применять наемный труд, однако, с ограничениями: «Наемный труд может быть допущен при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условии, что все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства». Кроме того, пользователь до известной степени распоряжается своим правом — он может передать свое пользование. Земельный кодекс допускает аренду земли, правда, также с ограничениями (ст. 30, 31, 33). Сдача земли в аренду допускалась только для «трудовых хозяйств, временно ослабленных». Нормальный срок аренды — период одного севооборота, и только в исключительных случаях срок ее может быть продлен на период второго севооборота. «Аренда, — читаем в п. 31, — может быть только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства». Следует подчеркнуть, что в отношении наемного труда и аренды решающее значение имели не ограничения, а принципиальное признание этих институтов. То есть, с определенными оговорками можем говорить о наличии всех трех прав собственника — владения, пользования, распоряжения. *Перед нами собственность, хотя и ограниченная.*

Довольно объемно в Кодексе говорится о товарищеском землепользовании коммун и артелей, но оно скорее рассматривается как перспектива, как желание. Что же касается советских хозяйств, то в статье 169, 162 на первый план выдвигается преимущественно их культурное значение. О хозяйственном назначении совхозов в смысле снабжения продуктами народного хозяйства не упоминается.

В партийных и государственных кругах страны Земельный кодекс РСФСР как основной документ, регулирующий земельно-правовые отношения, был воспринят не однозначно. «Проект Кодекса, — говорил при его обсуждении зампреда ВЦИК П. Г. Смидович, — носит специфический характер. Скажу больше, при таком специфическом настроении вырабатывается кодекс законов чисто крестьянский... упускаются из виду интересы государства. Мы живем в переходном периоде — но к чему переходном... к будущему строительству или к частной собственности... Увы, та обстановка, которая

окружает Наркомзем, как будто бы усваивает вторую перспективу и тенденцию. Конечно, это Кодекс будет переосмыслен» [10].

Однако предположению П. Г. Смидовича не сразу суждено было сбыться. Весной 1925 г. крестьянству были сделаны новые уступки: ослаблена государственная фиксация твердых цен на зерно и снижен государственный налог; увеличен период санкционированной сдачи земли в аренду; в сельском хозяйстве узаконен наемный труд, первоначально ограниченный сезоном сбора урожая; сняты различные административные помехи для свободной торговли [11]. Эти мероприятия проводились с целью стимулирования крестьянского товарного производства и дальнейшего экономического оживления, наступившего благодаря нэпу. Но, с другой стороны, в партии существовало мнение, что это — проявление «прокрестьянского», даже «крестьянского» уклона.

Оценивая место Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в советском аграрном законодательстве, следует признать, что Кодекс, исходя из условий развития народного хозяйства и специфики функционирования крестьянской экономики, намечал пути вывода сельского хозяйства страны из того кризисного состояния, в котором оно оказалось в результате войны и революции. Изъятие земли из товарного оборота согласно аграрным законам Советской власти становилось, как показала жизнь, существенным тормозом для нормального развития сельского хозяйства. Для быстрого его восстановления недоставало и многого другого: стабильной денежной системы, земельного кредита, налаженной кооперативной организации, что объективно сводило к минимуму возможность купли-продажи земли. Поэтому, как показывает опыт прошлого и что особенно важно учесть при осуществлении современной экономической реформы, разрешением частной собственности на землю и введением ее в товарный оборот лучше замыкать систему мер по перестройке хозяйственного механизма, подготовив для этого необходимые предпосылки.

Новым этапом в развитии права стала разработка союзного аграрного законодательства в 1926-1927 гг.

Бурная полемика по этому вопросу развернулась в СНК СССР и РСФСР, Наркомземе РСФСР и союзных республик на совещании наркомов земледелия союзных и автономных республик (ноябрь 1926 г.) и в Коммунистической Академии [12]. В проекте «Основных начал землепользования и землеустройства», разработанном Комиссией законодательных предположений Совнаркома СССР, община уже не значится как субъект права, как регулирующий орган. С административно-государственными органами теперь уже имеет дело только двор [13]. Эта позиция вызвала активные возражения при обсуждении, несмотря на заданность политической линии в сторону обобществления сельского хозяйства. Сложившаяся ситуация говорит о неотработанности еще того механизма взаимоотношений партии и государства, который сформировался к концу 20-х гг. и выражался в беспрекословном исполнении партийных приказов.

И все-таки основное содержание этих споров нельзя сводить к вопросу об общине и перспективах развития сельского хозяйства. Главное здесь — прецедент разработки союзного аграрного законодательства.

С 1922 г. основным аграрным законом советской власти стал Земельный кодекс РСФСР. Он был разработан, когда Союза ССР еще не существовало. Это Кодекс с некоторыми изменениями был заимствован всеми республиками. С момента образования Союза оказалось, что каждая союзная рес-

публика имеет свои «Основные начала землепользования и землеустройства». Согласно Конституции СССР 1924 г. к ведению союзных органов было отнесено «утверждение общих начал землепользования и землеустройства». Во исполнение Конституции ЦИК Союза поручил СНК Союза разработать соответствующий законопроект. СНК СССР передал задания своему органу — Комиссии законодательных предположений. Комиссия подготовила проект, который СНК СССР разослал республикам, а затем поручил академии обобщить дополнения, поправки к проекту [14]. Комиссия законодательных предложений Совнаркома СССР выработала в сущности не основные начала землеустройства и землепользования, а довольно подробный Земельный кодекс для всего Союза и включила туда ряд постановлений о дворе, о земельном обществе, о коллективном хозяйстве, о структуре двора, об органах управления земельным обществом, о формах землепользования, о типах землеустройства и даже постановление во всесоюзном масштабе о том, на сколько лет можно сдавать землю в аренду и в какой зависимости от севооборота [15]. Этот проект был опротестован НКЗ РСФСР «как неудовлетворяющий своему назначению, ибо устанавливал такие детали, которые должны быть предметом законодательства только отдельных республик». По представлению НКЗ РСФСР СНК РСФСР разработал свой проект и тоже послал в Комакадемию [16].

В постановлении Президиума Комакадемии от 15 января 1937 г. записано: «В основу принять проект декрета СНК РСФСР. Но переработать его на следующих основаниях:.. В центральный аграрный закон обязательно должны быть введены положения, обеспечивающие включение систематически разработанных статей, представляющих экономические выгоды земледельцам, переходящим к коллективным формам хозяйства» [17].

Обсуждение проектов сразу выявило разные концепции. Представители первой (называющие себя «сторонниками Союза») считали, что «субъектом права на землю является Союз и только он». По их мнению, если признать Союз единым государством, а субъектом права на землю республики, то это будет нелогично. Другие не менее решительно настаивали на том, что земля принадлежит республикам. Союз есть государство, возникшее из договора, и то, что по договору республики предоставили Союзу, тем он только и может распоряжаться. То, что не предоставлено Союзу по договорам, остается в сфере суверенных прав республики. Было бы чудовищным извращением национальной политики, говорили они, если бы земля союзных республик была признана собственностью Союза. Это было бы воспринято крестьянством национальных республик, как отнятие земли. Это было бы явным покушением на суверенитет республик [18].

После дискуссии победила третья концепция, которая признавала государственную собственность на землю за республиками и за Союзом. Право собственности союзной республики переходило в право собственности Союза и обратно. В результате была принята следующая формулировка: «Государственная собственность на землю в пределах союзной республики осуществляется этой республикой на основании «Общих начал» и законодательства республики» [19].

На 2-й сессии ЦИК Союза ССР 3-го созыва были утверждены «Общие начала землеустройства и землепользования». В них за Союзом осталось право: 1) выделения отдельных участков земли в пользование учреждений и предприятий союзного значения для специальных целей; 2) установления всесоюзного переселенческого фонда; 3) установления концессионного фонда

и предоставление отдельных земельных участков в концессию в порядке действующего законодательства [20].

Земельные кодексы всех союзных республик устанавливали три типа пользования землей: 1) трудовое (именно этот институт регулировал земельные отношения с крестьянством); 2) городскими поселениями; 3) государственными учреждениями и предприятиями [21].

Как видим, являясь одним из важных каналов регулирования аграрных отношений, советское законодательство на протяжении всего исследуемого периода было средством осуществления классовой политики. Правда, в разные времена акценты этой политики менялись от ярко определенных в первые годы революции, затем умеренных в начальный период нэпа до снова заостренных в конце 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скловский К. И. К проблеме права собственности // Правоведение. 1990. № 1; Право собственности в условиях перехода к рыночной экономике. «Круглый стол» Комитета конституционного надзора СССР в редакции журнала «Правоведение» // Правоведение. 1991. № 3, № 4; Гребнев Л. Частная собственность. Альтернатива понимания // Вопросы экономики. 1991. № 2; Бебчук Ю. О видах собственности // Там же; Киселев С. В. Формы хозяйствования и земельные отношения // Там же; Романов В. Споры, возникающие в земельных отношениях // Российская юстиция. 1994. № 8; Черноморец А. Е. О некоторых проблемах регулирования земельных отношений // Право и экономика. 1994. № 13-14; Андреев Ю. Рассмотрение земельных споров. Хозяйство и право. 1997. № 8 и др.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 103.
3. Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1918. 19 февраля. В некоторых изданиях закон датирован по времени его утверждения. См., напр., Голос трудового крестьянства. 1918. 31 января (даты приведены по старому стилю).
4. Уже в первые месяцы существования НКЗ были предприняты попытки составления такой инструкции, но до конца эта работа доведена не была (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 26. Л. 1).
5. Аграрная политика Советской власти (1917-1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 417-431.
6. Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 27-28.
7. Там же. С. 27.
8. СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.
9. Земельный кодекс РСФСР. М., 1923.
10. Известия. 1922. 25 октября.
11. Рыков А. И. Хозяйственное положение СССР. М. -Л., 1928. 275; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970. С. 375-346.
12. Материалы этих дискуссий см.: На аграрном фронте. 1926. № 9; 1927. № 1; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 438. Л. 83-60.
13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 478. Л. 71.
14. Советское строительство. 1926. № 2. С. 35.
15. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 478. Л. 81.
16. Там же. Л. 83.
17. На аграрном фронте. 1927. № 1. С. 103.
18. Советское строительство. 1926. № 2. С. 39.
19. Там же. С. 41.
20. II Сессия ВЦИК Союза ССР 3 созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 7.
21. Там же.